

НА СЦЕНУ, КАК В БОЙ

О СВОИХ НОВЫХ РАБОТАХ В ТЕАТРЕ И КИНЕМАТОГРАФЕ РАЗМЫШЛЯЕТ АРТИСТ ЮРИЙ БОГАТЫРЕВ



30 АПР 1983

Казалось бы, и кинозрителям, и театральной публике имя Юрия Богатырева хорошо известно. И все же в каждой новой роли он предстает неожиданным. Несколько лет назад на малой сцене МХАТа, в спектакле «Путь», еще совсем молодым он сыграл Илью Николаевича Ульянова в последние годы жизни. Был эксперимент — смелый и удачный. А недавно актер снова вернулся к этому образу — в первых трех сериях киноэпопеи «В. И. Ленин. Страницы жизни», которую начало показывать в апрельские дни Центральное телевидение.

— Фильм, созданный на основе подробной биографии Ленина, которую недавно завершил Институт марксизма-ленинизма, редкий по жанру, — рассказывает Юрий Георгиевич. — Поэтому и принцип актерского исполнения в нем необычайный: артисты не играют персонажей, а выступают от их имени. Илья Николаевич Ульянов был человеком необычайно интересным, драматичной судьбы. Готовясь к роли, я много нового узнал и о нем, и о семье Ульяновых. И мне было любопытно работать над этим образом в разных жанрах, в разной драматургии.

Нередко я задаю себе вопрос: для кого я работаю? Может быть, кому-то мой ответ покажется заносчивым, но я скажу правду: прежде всего для себя. Потому что от работы получаю удовольствие. Мне нравится ставить перед собой трудные профессиональные задачи и осваивать их. Можно ли научиться актерскому делу? Думаю, легко перенять или найти два-три приема, но «выучить» эту профессию невозможно. Она бесконечна, потому что в ней всегда будет впереди что-то неосвоенное. Можно, конечно, прочитать Станиславского и кое-что извлечь из книг по актерскому мастерству. Но одно дело — прочитать или услышать о чем-то, другое — дойти самому, открыть самому, попробовать на практике... И нельзя в каждой роли являть только свою личность, какая бы она ни была глубокая и неповторимая.

Сам театральный процесс я бесконечно люблю. В спектакле «Мятеж» по Фурманову играл недавно чуть ли не в сотый раз. И вроде бы все выверено — текст, мизансцены... И все равно опять ищешь для себя иные возможности в роли, горизонты, что ли... Но и новые роли,

новые характеры тоже хочется играть. К счастью, мое стремление к разнообразию режиссеры понимают. На сцене Художественного театра я занят в самых разных пьесах: Толстого и Чехова, Мольера и Гауптмана, современных драматургов. И в кино снимался в приключенческих лентах, комедиях, исторических фильмах, современных драмах... За последнее время на экране появилось сразу несколько фильмов с моим участием, и все разные — по характерам, жанрам, стилистике. Скажем, в комедии «Карантин» старейшего режиссера детского кино Ильи Фрэнца, которого люблю с юных лет, я играю... дедушку, детского писателя. Роль небольшая, но емкая. Представьте, в этом фильме меня никто не может узнать. И мне это нравится. Сыграл я и в телефильме «Время на размышление» о современной семье. Недавно закончена работа над телеспектаклем «Человек из страны Грин».

Словом, работы предостаточно. А она дает возможность, что мне всегда интересно, через характеры людей разобраться в уме, глупости, таланте, героизме... Именно разобраться — работать механически не умею. Механический труд превращает артиста в робота, и он не растет, не накапливает, а только тратится. К сожалению, не все артисты относятся к своей профессии со священным трепетом. Думаю, от этого порой и наступает опустошение, и как следствие его — откровенная халтура. И просто актерствовать, упицаться собой — тоже бессмысленно. Всеми силами я стараюсь истрепать в себе успокоенность. Художник должен работать осмысленно, и никак иначе.

Конечно, спектакль или фильм — результат труда большого творческого коллектива. И главная беда, которая может приключиться в работе, это —

взаимное непонимание. Если задачу актера сформулировать просто, то это — точное и талантливое исполнение режиссерского видения образа, найденное вместе с актером на репетициях. Но разве получится что-то толковое, если актер не будет верить режиссеру, не будет верить себе, в истинность того, что делает? Не всегда, к сожалению, этой веры бывает столько, сколько необходимо. Тогда начинаешь внутренне метаться, искать опору, настраивать себя на контакт с режиссером...

Не хочу сказать, что с режиссером надо обязательно дружить в жизни. Мы с Никитой Михалковым не ходим друг к другу в гости. Однако в работе у нас — полное взаимопонимание. То же самое и с Ильей Авербахом, у которого я снимался в картине «Объяснение в любви». Жаль только, что он не любит дважды снимать одного артиста. А вот Михалков или Виталий Мельников приглашают меня из фильма в фильм — им интересно «лепить» из актера совершенно другой образ. Скажем, у Мельникова в его преддусе фильме «Две строчки мелким шрифтом» я сыграл революционера-подпольщика. А теперь он предлагает мне роль трусливого начальника в фантастической комедии «Я снюсь». Надеюсь поработать и с Михалковым в будущем.

Жаловаться не могу — предложений сниматься немало. Несчастье в том, что попадаетесь много слабым сценариев. Актер же во многом зависит от драматургии. И вот он вынужден психологически оправдывать нелепые ситуации сценария, произносить, как свой, текст, от которого «уши вянут», а сердца «черствеют и каменеют»... Как-то показали по телевидению одну за другой две картины о современной Советской Армии — «Строгая мужская жизнь» и «Полигон». Такое ощущение, что один

фильм — часть другого. Герои говорят одни и те же слова, попадают в одинаковые ситуации, у командиров одни и те же жены...

Когда я начинал, а стал я актером после того, как попробовал себя в качестве художника, мне казалось: кино — вот искусство, которому надо посвятить жизнь! Однако начал работать на сцене, серьезно работать, и понял — театр для меня важнее. Он необходим актеру, потому что создание спектакля — длительный процесс. Театр — это учитель, труженик. Это — ежедневная работа. А искусство ведь больше чем наполовину и состоит из труда. Роль в фильме создается актером иначе, чем в спектакле. Все по-другому: и разбор роли, и процесс репетиций, и момент исполнения, и реакция окружающих, и сами окружающие... Спросите у любого театрального актера, и он вам скажет, как много зависит в его игре, в самочувствии на сцене от таланта и добросовестности партнера. А когда делают фильм, бывает и так, что партнера даже не видишь на съемке, общаешься с кинокамерой.

Что говорить, все-таки кино — несколько спонтанное искусство. Сейчас я начал сниматься в роли Манилова в пятисерийном телефильме «Мертвые души». Ставит картину Михаил Швейцер, известный мастер. Так вот, сниматься пока приходится только в свободные от театра дни. Репетируем с режиссером каждую сцену непосредственно перед ее съемкой. Разумеется, оба готовимся к ней дома. И все же, будь моя воля, уделил бы Манилову побольше времени. Хотя бы для того, чтобы растянуть удовольствие.

В театре есть одна беда: сложился постоянный коллектив, всем в нем уютно, всем хорошо — «варятся» потихоньку «в собственном соку». Спросишь: «Как жизнь?». Отвечают: «Нор-

мально». А в кино существует некая «ненормальность», и она выбивает актера из состояния обыденности, потому что артист должен все время находиться в ожидании непривычного.

— Юрий Георгиевич, а как вы относитесь к критике, к отзывам о вашей работе?

— Вспоминаю слова Пушкина: «Хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца». Конечно, поддержка, похвала, особенно заслуженные, стимулируют актера в работе больше, чем брань, пусть и справедливая. Знаю по себе: если ругают, не зажигаюсь — гасну. Искусство — вещь хрупкая, художники — люди ранимые, часто не очень в себе уверенные. Наверное, надо доброжелательнее относиться к их попыткам, может, и не всегда удачным, сделать что-то свое, оригинальное, неповторимое. Критики порой ходят в театр и в кино не смотреть, не чувствовать, а поучать. Например, отзывы о спектакле «Живой труп» самые разноречивые. Одним нравится, другим нет. Режиссер видит пьесу по-своему. Актер — как-то еще. Критик — совсем по-другому. Но ведь и режиссер, и актеры готовились к своей работе, пожалуй, дольше и глубже, чем критик к своей рецензии... К своему творчеству я отношусь довольно критически. Делаю выводы из удач и неудач. И верю больше всего самому себе.

— А как вы относитесь к популярности? Помогает она или мешает?

— Иной раз публика, полюбив актера за какую-то удачно сыгранную роль, хочет вновь и вновь видеть его все в том же характере. Но я считаю, что нельзя идти на поводу у публики. Артист, художник не должен опускаться до уровня массового спроса, наоборот — он обязан поднимать зрителя до подлинного искусства, если он, конечно, на это способен и име-

ет право. Мне, например, очень нравится Алла Пугачева. Она — талантливый человек, работоспособный, ищущий. А вот сделали из нее фетиш. Как и из Боярского, в котором публику привлекает некая мужественная развязность. Я хорошо отношусь к Боярскому, ощущаю в нем большие актерские возможности, чем его неумные поклонники и поклонницы. Они-то хотят его непременно видеть с длинными волосами и чтобы пел с модными интонациями...

Видимо, часть людей нуждается в кумирах. Кому-то просто очень скучно живется. Вот и пытаются найти в актерах отголоски своих идеалов, устремлений и чувств. Мне пишут письма. Очень разные люди. Рассказывают о себе, просят совета, обсуждают мои работы... Такое доверие, откровение, конечно, приятно. И все же должен признать: профессия актера утомляет. Все время ты на людях, на виду. Идешь по улице — на тебя смотрят, едешь в метро — опять под любопытными взглядами... А хочется иногда побыть наедине с собой. Хорошо, когда много работы. Но каждый человек нуждается и в паузах.

— Как же вы проводите свободное время?

— Смотрю телевизор, особенно документальные передачи и учебные программы. Читаю, рисую... Люблю собираться с друзьями, хотя по натуре я скорее замкнутый человек. Правда, с возрастом стал легче сходиться с людьми.

Почти все свободное время отдаю опять же искусству. Надо сделать еще больше, еще лучше, еще интереснее — этим я и живу. Прошлое — это трамплин. Более того, удача в прошлом налагает еще большую ответственность за будущее.

Вел беседу
В. ГРИБАНОВ.

Фото Л. Луппова.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
МОСКВА